

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-506-517

EDN: CKQKRY

Научная статья / Research article

Государственное строительство и истоки «американской империи»: к проблеме легитимации суверенного неравенства в XXI веке

А.Н. Богданов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
enlil82@mail.ru

Аннотация. На протяжении последних двух десятилетий политика государственного строительства на Большом Ближнем Востоке использовалась Вашингтоном в качестве инструмента построения «американской империи», опирающейся на неравноправные отношения между США и зависимыми от них режимами в Афганистане и Ираке. При этом современные исследования в основном фокусируются на инструментах реализации этой политики, обеспечивающих принятие местным населением новых политических и экономических институтов. Изучаются усилия Вашингтона в сфере государственного строительства как специфическая практика легитимности, нацеленная на закрепление суверенного неравенства и институционализации политического контроля США над «режимами-клиентами». Исследование опирается на теоретическое наследие Английской школы, сторонники которой рассматривают «легитимность» в неразрывной связи с «международным обществом» как группой государств, объединенных общими целями, институтами и ценностями. Используемые членами этого общества стратегии легитимации предполагают исполнение различных международных ролей, посредством которых государства обретают признанные статусы, права и обязанности. Фокусируясь на таких ролях США, как «имперская держава» и «патрон», автор приходит к выводу, что усилия Вашингтона в сфере государственного строительства были направлены на увязывание американских интервенций в Афганистане и Ираке с коллективными целями международного общества и поэтому играли важную роль в процессе легитимации неравноправных отношений с «государствами-клиентами» в условиях формального юридического равенства членов международного общества. Таким образом, применение предложенного подхода помогает пролить свет на малоизученные аспекты механизмов воспроизводства доминирования США и институционализации суверенного неравенства, присущего «американской империи» в XXI в.

Ключевые слова: США, государственное строительство, империя, легитимность, Английская школа

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Богданов А. Н. Государственное строительство и истоки «американской империи»: к проблеме легитимации суверенного неравенства в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 506—517. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-506-517>

© Богданов А.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Statebuilding and the Origins of the “American Empire”: Towards the Problem of Legitimizing Sovereign Inequality in the 21st Century

Alexey N. Bogdanov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
enlil82@mail.ru

Abstract. In recent decades, “statebuilding” policies in the Greater Middle East have been used by Washington as a tool for forging an “American empire” based on unequal relations between the U.S. and its dependent regimes in Afghanistan and Iraq. At the same time, current research focuses mainly on the instruments for implementing these policies and ensuring the acceptance of new political and economic institutions by the local population. Unlike the established approaches, the author examines Washington’s statebuilding efforts as a specific practice of legitimacy aimed at entrenching sovereign inequality and institutionalizing the US political control over “client-regimes.” The study draws on the theoretical legacy of the English school, which views “legitimacy” as a phenomenon inextricably linked with “international society,” comprising a group of states bound by common goals, institutions, and values. The legitimation strategies adopted by members of this society involve the performance of various international roles through which states acquire recognized statuses, rights and obligations. Focusing on the US roles such as “imperial power” and “patron,” the author concludes that Washington’s statebuilding efforts were aimed at linking the US interventionism in Afghanistan and Iraq with the collective goals of international society, and thus served to legitimize inequitable relations with “client-states” under the formal legal equality of members of international society. Therefore, the application of the proposed approach helps to shed light on the underexplored aspects of the legitimizing instruments of the US dominance and the means of institutionalizing sovereign inequality inherent in the “American empire” in the 21st century.

Key words: United States, statebuilding, empire, legitimacy, English school

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Bogdanov, A. N. (2023). Statebuilding and the origins of the “American empire”: Towards the problem of legitimizing sovereign inequality in the 21st century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 506—517. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-506-517>

Введение

Согласно распространенному в экспертных кругах мнению, окончательный вывод американского контингента из Афганистана свидетельствует о намерении Вашингтона пересмотреть обширные международные обязательства (Цветков, 2021; Самуйлов, 2022), взятые на себя Соединенными Штатами после терактов 11 сентября 2001 г. При этом исследователи склонны рассматривать принятое президентом Дж. Байденом решение в контексте нарастающей конфронтации между США и «восходящими державами» (Китаем и Россией), недооценивая то обстоятельство, что присутствие США в Афганистане и в Ираке было частью стратегии построения так называемой «американской империи» со времен начала «глобальной войны с террором». В рамках этого амбициозного проекта США стремились оказывать обширную поддержку

политическим реформам в странах Большого Ближнего Востока¹ с тем, чтобы положить конец тирании и способствовать укреплению региональной стабильности и процветания². Эти усилия должны были способствовать созданию «баланса сил, который благоприятствует свободе»³, и обеспечению триумфа «цивилизованного сообщества» над силами

¹ National Strategy for Combating Terrorism // White House. September 2006. P. 11. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nsct/2006/> (accessed: 23.03.2022).

² Democracy Promotion: Cornerstone of U.S. Foreign Policy? // CRS Report for Congress. December 26, 2007. P. 1. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20071226_RL34296_39232d9d9bfdd071ad684649d3b6535503cd2f8f.pdf (accessed: 23.03.2022).

³ Rice C. A Balance of Power that Favors Freedom // Carrie Chapman Catt Center for Women and Politics. October 1, 2002. URL: <https://awpc.cattcenter.iastate.edu/2017/03/21/a-balance-of-power-that-favors-freedom-oct-1-2002/> (accessed: 23.03.2022).

хаоса и разрушения, охватившими исторически беспокойный и сопротивляющийся внешнему вмешательству регион. При этом ключевым приоритетом США была коренная трансформация общественных систем Афганистана и Ирака с помощью государственного строительства, предполагающего внутреннее переустройство подвергшихся интервенциям государств и превращение «давних противников в новых жизненно важных партнеров»⁴.

Таким образом, выявление роли государственного строительства как инструмента легитимации неравноправных отношений между США и их «клиентами» на Большом Ближнем Востоке представляется важным с точки зрения всестороннего понимания способов воспроизводства суверенного неравенства как опоры выгодного для Вашингтона регионального порядка. Для достижения этой цели автор привлекает идейное наследие Английской школы, сторонники которой рассматривают «легитимность» как феномен, неизменно присущий «международному обществу», понимаемому как группа государств, связанных общими правилами и институтами, а также регулярным взаимодействием (Bull, 1995, p. 202). В рамках этого видения международное общество предстает в виде «целеустремленной организации, с помощью которой ее члены преследуют коллективные цели и закрепляют разделяемые ценности» (Morris, 2005, p. 265), что в конечном счете приводит к формированию устойчивых паттернов взаимодействия, поддерживающих международный порядок. Поэтому легитимация властных отношений между государствами предполагает увязывание их действий с социальной структурой международного общества, наделяющей своих членов дифференцированными статусами («великие» и «средние» державы, «патрон» и «клиент» и т. д.) и задающей параметры допустимого поведения.

Данное обстоятельство побуждает членов международного общества преследовать

«бесконечные стратегии легитимации, чтобы представить определенные виды деятельности или акторов в качестве легитимных» (Clark, 2005, p. 2). Эти стратегии подразумевают исполнение различных «ролей», ядром которых являются «институционализированные практики особых прав и обязательств» (Clark, 2011, p. 4), связанные с положением государства внутри международного общества (например, «великая держава», «гегемон», «гарант безопасности» и т. д.). Успешное исполнение данных ролей позволяет государствам претендовать на закрепление своего привилегированного статуса и полномочий в рамках существующей системы властных отношений. С этой точки зрения «государственное строительство» можно рассматривать в качестве специфической ролевой практики, помогающей увязать интервенционистскую политику и ограничение суверенитета «режимов-клиентов» с коллективными целями международного общества (обеспечение региональной стабильности, решение проблемы «несостоявшихся государств» и т. д.).

При этом успешное исполнение роли «строителя государства» (*state-builder*) позволяет сгладить противоречие между очевидным неравноправием отношений «патрон — клиент» и социальной структурой международного общества, конституированной принципами суверенитета и формального юридического равенства своих членов. Таким образом, применение обозначенного подхода будет способствовать всестороннему пониманию природы так называемой «американской империи» путем фокусирования на государственном строительстве как практике легитимности, способствующей воспроизводству суверенного неравенства в отношениях между Вашингтоном и его «клиентами» на мировой периферии.

«Имперская» легитимность и проблема «несостоявшихся государств» после холодной войны

Хотя империи исторически опирались на подавляющее материальное превосходство «метрополии» над «периферией», устойчивость имперского доминирования во многом

⁴ National Strategy for Combating Terrorism // White House. September 2006. P. 23. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nsct/2006/> (accessed: 23.03.2022).

зависела от убедительности идеологических оправданий политики колонизации и территориальной экспансии. Так, легитимация присущего империям неравенства обеспечивалась посредством распространения институциональных практик «ядра» (Motyl, 1999, p. 133) и культивирования специфических образов империи (Kurchan, 1994, p. 22), предоставляющих правдоподобные объяснения превосходства «метрополии» над «периферией».

Как правило, эти образы представляли империю в качестве единственно возможной формы организации социального космоса (Каспэ, 2007, с. 276), утверждение которой во всемирном масштабе ведет к торжеству наиболее прогрессивной формы правления, несущей порядок и цивилизацию менее развитым народам. Поэтому воплощение имперского проекта предполагало распространение специфического правового состояния, олицетворяющего высший закон и справедливость, а также подразумевающего установление единого закона, отвергающего все различия в правах и традициях (Kohn, 1966, p. 120) с тем, чтобы рационализировать, гармонизировать и ассимилировать правовые системы периферийных акторов.

Действуя в таком ключе, имперские державы добивались унификации образующих внешний мир субъектов, воспринимая их как «хаотичную массу... которая остро нуждается в упорядочивании» (Исаев, 2007, с. 38). В конечном счете эти усилия были направлены на обеспечение единства и однородности мира, а также устранение различий и противоречий, угрожающих стабильности имперского правления. Эти соображения обуславливали склонность имперских государств проецировать свои идентичности в отношении разнородной «периферии» с тем, чтобы приобщить ее к ценностям «ядра» (Nexon & Wright, 2007, p. 254), оправдать эксклюзивные прерогативы доминирующей политики и тем самым закрепить суверенное неравенство (Wendt & Friedheim, 1995, p. 700).

Кроме того, легитимация имперского доминирования подразумевает предоставление социально востребованных благ, которые

являются «доступными и выгодными хотя бы для некоторых (элитных) групп в периферийных зонах империи» (Saul, 2008, p. 312). Подобные стратегии установления «имперского» контроля предполагают следование практикам, предполагающим исполнение доминирующими державами особых обязательств путем удовлетворения фундаментальных общественных нужд с тем, чтобы увязать свои действия с социальными ожиданиями, сложившимися на уровне структуры «ядро — периферия». Так, к наиболее важным аспектам «имперской» роли могут относиться установление общего закона, предотвращение перехода международного соперничества в стадию военного конфликта, предоставление защиты от внешней агрессии (Munkler, 2005, p. 153), а также интеграция политического пространства империи и распространение достижений прогресса (Баталов, 2005, с. 337). Если имперская держава успешно справляется с этой ролью, ее привилегированное положение и экспансионистская политика с большей вероятностью будут рассматриваться в качестве легитимных, то есть соответствующих сложившимся представлениям о коллективном благе.

Применительно к современным условиям следует отметить, что усиление «имперских» черт в политической организации постбиполярной международной системы является следствием совокупности факторов. К наиболее важным из них относятся углубление социокультурных различий и рост числа внутригосударственных конфликтов, нередко приводящих к столкновениям между центральными правительствами и сепаратистскими группами. По мнению некоторых исследователей, это создает предпосылки фундаментального кризиса государственности, конституционных и правовых норм, а также общей деградации оказавшихся на грани коллапса обществ (Лапкин, 2018, с. 39). При этом углубляющийся институциональный кризис национального государства обуславливает необходимость создания инструментов международного контроля над «несостоявшимися государствами», которые могут стать спонсорами терроризма или стремятся к

обладанию оружием массового уничтожения (ОМУ). Эффективность такого контроля зависит от способности международных администраций обеспечивать безопасность и справедливость, предоставлять критически важные общественные блага и услуги населению, формировать устойчивые экономические структуры, организовывать гуманитарную помощь и создавать институциональную основу демократической легитимности (Bonacker & Brodocz, 2017, p. 403).

После окончания холодной войны достижение этих целей предполагало координацию действий сообщества государств со стороны США как единственной сверхдержавы, желающей примерить роль не только «лидера», но и «патрона», способствующего формированию более эффективных форм правления в «проблемных государствах». При этом США получали возможность закрепить свою особую ответственность по противостоянию нарастающему на мировой периферии «хаосу» и обеспечению триумфа «порядка», «цивилизации» и «прогресса» путем содействия трансформации внутреннего устройства таких государств.

В то же время Вашингтон стремился добиться таких коллективных целей, как предотвращение расширения доступа к ОМУ и нейтрализация угрозы со стороны транснационального терроризма, приведшего к «исторически беспрецедентной ситуации, в которой политики с ограниченным военным потенциалом угрожают безопасности namного более могущественных держав» (Krasner, 2004, p. 86). Таким образом, «имперская» роль США, предполагающая установление порядка и учреждение прогрессивной формы правления в тех государствах, которые «неспособны или не желают управлять собой согласно новым стандартам цивилизации» (Colas, 2007, p. 159), приобрела особое значение с точки зрения достижения коллективных целей международного общества. В случае успешного исполнения этой роли путем реализации практик государственного строительства на мировой периферии США могли рассчитывать на укрепление легитимности своего привилегированного положения

посредством институционализации своих особых прав как «строителя государства» и «патрона».

Государственное строительство как стратегия легитимации «американской империи»

Наряду с институциональными реформами политика государственного строительства подразумевает легитимацию действий, направленных на коренное преобразование ключевых общественных и политических структур стран, подвергшихся интервенции и оккупации (Paragi, 2016). Так, официальные оправдания усилий США в сфере государственного строительства акцентируют внимание на том, что «неспособность многих государств эффективно поддерживать порядок или работать со своими соседями для обеспечения региональной безопасности является вызовом для всей международной системы»⁵.

Эта аргументация делает акцент на том, что различные субнациональные группы подрывают стабильность ключевых государств и несут угрозу важным для США регионам. Поэтому Вашингтон должен решить проблему «дисфункциональных государств», представляющих собой «локус терроризма, наркоторговли, разработки ОМУ» и несущих «угрозу порядку и стабильности во всем мире» (Rao, 2004, p. 146).

Из этой логики также следовало, что Соединенные Штаты должны принять на себя обязательства по установлению стабильных форм правления на мировой периферии, особенно в тех случаях, когда речь шла о восновлении государственных институтов после многосторонней интервенции. Так, с середины 2000-х гг. так называемые «операции по обеспечению стабильности» приобрели статус первоочередных военных миссий Вашингтона в Афганистане и Ираке. Эти миссии составляли ядро политики государственного строительства, включавшей

⁵ National Defense Strategy // National Security Strategy Archive. June 2008. P. 2. URL: <https://nssarchive.us/national-defense-strategy/national-defense-strategy-2008/> (accessed: 23.03.2022).

принудительную стабилизацию ситуации в оккупированных странах, восстановление функционирования правительственных институтов и экономической инфраструктуры с тем, чтобы обеспечить последующий переход этих государств к независимому развитию (Самуйлов, 2010, с. 21). Данная стратегия также предполагала восстановление или создание политических институтов, а также экспорт новой ценностной системы в страну, которая оказалась слишком слабой для того, чтобы обрести или сохранить независимый статус (Рыхтик, 2003, с. 91). Итогом этих усилий должно было стать превращение «несостоявшихся государств» в относительно стабильные общества, опирающиеся на прочный институциональный фундамент и имеющие мирные отношения с соседями.

В более узком смысле политика государственного строительства включала развитие способности «несостоявшихся государств» контролировать общество, а также определять способ организации взаимоотношений между обществом и правительством. Решение этих задач предполагало принятие Соединенными Штатами ответственности по обеспечению «хорошего правления» (*good governance*) и защите прав человека (Barnett, 2006, p. 91). На практике эта ответственность воплощалась в стремлении США участвовать в создании «новых попечительств» (*neotrusteeships*), сочетающих структуры международного администрирования и внутреннего управления и предполагавших институционализацию внешнего контроля над внутривнутриполитическими инстанциями и основными экономическими функциями «несостоявшихся государств» (Fearon & Laitin, 2004, p. 7). Внедрение этих организационных форм привело к появлению де-факто протекторатов (Босния и Косово в 1990—2000-е гг., Афганистан и Ирак в 2000—2010-е гг.), которые предполагалось превратить в современные государства, опирающиеся на фундаментальные принципы верховенства закона, рынка и демократии (Barnett, 2006, p. 88). При этом способность США исполнять роль «патрона», распределяющего ресурсы и формулирующего правила, которые лежат в основе иерархий

контроля над суверенными делами «несостоявшихся государств», стала важным фактором поддержания порядка и обеспечения безопасности. Это обстоятельство также обусловило ключевое значение практик государственного строительства, посредством которых формируются отношения «патрон — клиент» и поддерживается суверенное неравенство.

Афганистан

После начала оккупации Афганистана в октябре 2001 г. США приняли на себя роль «строителя государства» (*state-builder*) путем осуществления надзора за демократическими реформами, поддержания безопасности и правопорядка внутри страны в качестве необходимых предпосылок создания устойчивых политических институтов. Кроме того, Вашингтон сосредоточил в своих руках функции распределения жизненно важных ресурсов с тем, чтобы способствовать укреплению способности местного правительства контролировать территорию страны. Исполнение этой роли также подразумевало содействие демократизации путем создания представительного режима, проведения контртеррористической операции против движения «Талибан»⁶ и «Аль-Каиды»⁷, а также предоставление финансовых ресурсов афганскому правительству (Dobbins et al., 2003, pp. 132—133). Немаловажное значение также имела помощь со стороны Вашингтона в обучении, экипировке и консультировании Афганских сил национальной безопасности, а также укрепление эффективности институтов безопасности Афганистана⁸. Центральная роль при этом отводилась Международным силам содействия безопасности (*International*

⁶ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

⁸ Enduring Strategic Partnership Agreement between the United States of America and the Islamic Republic of Afghanistan // U.S. Department of State. May 2, 2012. P. 3—4. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/02/12-704-Afghanistan-Relations.pdf> (accessed: 23.03.2022).

Security Assistance Force, МССБ), участники которых находились в рамках эксклюзивной юрисдикции своих национальных правительств, а также обладали иммунитетом от ареста или задержания со стороны властей Афганистана⁹.

В дальнейшем переход МССБ под контроль НАТО в 2003 г. обозначил важный этап в эволюции роли Альянса, от которого в то время многие ждали расширения сферы ответственности за пределы Евроатлантического региона. При этом НАТО также должна была играть институционализированную роль «кризисного менеджера» (Бурлинова, 2010, с. 78), принимающего на себя ответственность за выполнение миротворческой функции и восстановление внутреннего порядка в Афганистане. В частности, Североатлантический альянс оказывал содействие в обучении афганских военнослужащих и полицейских, предоставлял финансовую поддержку национальной армии Афганистана, а также принимал участие в реализации образовательных программ в военной и гражданской сферах (Boguslavskaya, 2019, p. 45). Важным фактором эффективности этих усилий было согласие сторон с целями военного присутствия США в Афганистане — разгром «Аль-Каиды» и ее сторонников, а также содействие региональному миру, стабильности и процветанию. Для достижения этих целей Соединенные Штаты декларировали необходимость восстановления «исторической роли» Афганистана как моста, соединяющего Центральную и Южную Азию с Ближним Востоком. Это, в свою очередь, предполагало решение таких задач, как создание региональных инициатив в сфере торговли и транзита, усиление пограничной координации между Афганистаном и соседними государствами, реализация инфраструктурных проектов, а также привлечение международных

⁹ Military Technical Agreement between the International Security Assistance Force (ISAF) and the Interim Administration of Afghanistan ('Interim Administration') // Berlin Information-center for Transatlantic Security. 2002. P. 1. URL: https://www.bits.de/public/documents/US_Terrorist_Attacks/MTA-AFGHFinal.pdf (accessed: 23.03.2022)

инвестиций, способствующих ускоренной интеграции Афганистана внутри региона¹⁰. Не менее важно, что Декларация о партнерстве США и Афганистана предусматривала надление последнего статусом «ключевого союзника вне НАТО» с тем, чтобы обеспечить долгосрочную основу для кооперации в сфере обороны и взаимной безопасности¹¹. Такое сотрудничество предполагало помощь Альянса в развитии и реформировании министерств в сфере безопасности и других национальных институтов, содействие в укреплении профессионализма Афганских сил безопасности, а также предоставление доступа к ресурсам военной и гражданской экспертизы НАТО¹².

Наряду с этим США приняли на себя большую часть связанных с интервенцией издержек путем предоставления преобладающей доли военного потенциала для ведения борьбы с талибами и участия в наиболее ожесточенных столкновениях. Также следует отметить, что американское доминирование в ходе оккупации и послевоенного восстановления Афганистана проявлялось в отношениях Вашингтона с младшими союзниками по НАТО. Как отмечает О. Шмитт, это доминирование не только обуславливалось решающим вкладом США в ходе военных действий, но также было продуктом ряда практик на тактическом (МССБ) и стратегическом (командование НАТО) уровнях. Так, офицеры США явно преобладали в цепочке командования, в то время как европейские союзники фактически не оказывали влияния на принятие плана операций, признавая тем самым определяющее значение вклада Вашингтона в конечный успех мероприятия. При этом

¹⁰ Enduring Strategic Partnership Agreement between the United States of America and the Islamic Republic of Afghanistan // U.S. Department of State. May 2, 2012. P. 5. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/02/12-704-Afghanistan-Relations.pdf> (accessed: 23.03.2022).

¹¹ Ibid. P. 2—3.

¹² Declaration by the North Atlantic Treaty Organization (NATO) and the Government of the Islamic Republic of Afghanistan on an Enduring Partnership // NATO. September 6, 2006. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_50575.htm (accessed: 23.03.2022).

доминирование США при утверждении планов операций способствовало оправданию их претензий на компетентность своих действий, что позволяло Вашингтону позиционировать себя в качестве лидера интервенции (Schmitt, 2017, p. 508).

Это также помогало США исполнять роль «патрона», предполагающую удержание всеобъемлющего контроля над Афганистаном как «государством-клиентом» и позволяющую укрепить легитимность влияния США как на местный режим, так и на союзников по НАТО и партнеров по «коалиции желающих». При этом роль «строителя государства» подразумевала использование ведущего положения США в руководимой Североатлантическим альянсом международной коалиции, с тем чтобы содействовать обеспечению внутреннего порядка и безопасности в Афганистане, а также консолидации эффективных управленческих структур в стране. Таким образом, как материальные (финансовые средства, военная мощь), так и позиционные (лидерство в рамках НАТО, положение «патрона» в отношениях с местным режимом) ресурсы были вовлечены в процесс структурирования неравноправных отношений между Вашингтоном и Кабулом. В результате силовая асимметрия и суверенное неравенство были закреплены в качестве структурных свойств «имперской» структуры доминирования, посредством которой США стремились контролировать внутреннюю политику и внешние связи Афганистана.

Ирак

Посредством инициирования военной интервенции в Ирак в марте 2003 г. США стремились заменить враждебную диктатуру С. Хусейна стабильным и демократическим режимом, способным содействовать проведению либеральных реформ и укреплению безопасности на Ближнем Востоке. Согласно официальной риторике, к ключевым приоритетам Вашингтона относились такие цели, как построение «стабильных, плюралистичных и эффективных национальных институтов», создание иракских сил безопасности и

укрепление способности локальных институтов «предоставлять услуги, продвигать верховенство закона и возвращать гражданское общество», а также реформирование «иракской экономики в соответствии с рыночными принципами»¹³.

После свержения местного режима американские вооруженные силы приняли обязательства по установлению мира и обеспечению правопорядка, в то время как примкнувшие к «коалиции желающих» союзники Вашингтона обеспечивали военную поддержку. При этом важно отметить, что, так же как и в случае с формированием МССБ в Афганистане, операция «Несокрушимая свобода» в Ираке предполагала использование военной силы в таких пределах, которые позволяли сохранить восприятие легитимности совершаемых Соединенными Штатами действий со стороны локальных акторов (von Billerbeck & Gippert, 2017, p. 281). Кроме того, коалиционное временное правительство (КВП) взяло на себя ответственность по реконструкции, переустройству государственной службы и формированию переходной администрации. Это позволяло Соединенным Штатам использовать широкий набор материальных и организационных ресурсов в процессе исполнения роли «строителя государства» посредством предоставления жизненно важных благ местному населению, укрепляя способность местного правительства контролировать страну и обеспечивая легитимность отношений «патрон — клиент» между Вашингтоном и Багдадом. Так, американо-иракская «Декларация о принципах долгосрочных отношений сотрудничества и дружбы» установила в качестве ключевых приоритетов США защиту демократической системы Ирака от внутренних и внешних угроз, содействие национальному примирению и переходу к рыночной экономике, помощь в обучении и вооружении Сил безопасности Ирака с целью повышения их способности обеспечивать защиту

¹³ National Security Strategy of the United States of America // Historical Office of the Secretary of Defense. March 2006. P. 13. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf?ver=Hfo1-Y5B6CM18yHrX4x6IA%3d%3d> (accessed: 23.03.2022).

местного населения. Не менее важно, что Декларация предусматривала «укрепление положения Ирака в региональных и международных институтах» с тем, чтобы он «мог играть позитивную и конструктивную роль в регионе и в мире», а также содействие «дальнейшей интеграции Ирака в региональные и международные финансовые и экономические организации»¹⁴.

При этом усилия по стабилизации и восстановлению Ирака были направлены на убеждение международного общества в том, что США успешно справляются с принятой на себя «имперской» ролью, внося решающий вклад в достижение таких коллективных целей, как борьба с международным терроризмом и контроль за нераспространением ОМУ¹⁵ посредством демократизации Ближнего Востока, который «слишком долго испытывал дефицит свободы»¹⁶. Согласно официальной риторике, исполнение этой роли Соединенными Штатами было обусловлено их беспрецедентным положением в мире, которому сопутствовали особые возможности, обязательства и ответственность¹⁷.

Вместе с тем прерогативы «имперской державы» оправдывали интервенционистскую политику Вашингтона, а также способствовали закреплению суверенного неравенства, характерного для отношений «патрон — клиент». Так, в ходе послевоенного восстановления Ирака США стремились принять на себя бремя государственного строительства, принимающего форму «военных

операций иностранного государства или коалиции с целью создания нового режима» (Lake, 2010, p. 259) и его последующего превращения в полусуверенный протекторат. В частности, это предполагало создание таких структур, как Объединенные координационные комитеты (включая Высший координационный комитет), обеспечивающие мониторинг соблюдения сторонами принятых обязательств, координацию действий правительственных ведомств и разрешение споров¹⁸. Важная роль также отводилась Координационным комитетам объединенных военных операций, призванных «помочь Ираку в его усилиях по поддержанию безопасности и стабильности... включая кооперацию в проведении операций против „Аль-Каиды“ и других террористических групп... и остатков прежнего режима»¹⁹.

Следует отметить, однако, что хотя декларируемая цель политики государственного строительства в Афганистане и Ираке оставалась неизменной (создание стабильных, демократических и миролюбивых правительств), используемые Соединенными Штатами способы легитимации ограничения суверенитета «государств-клиентов» претерпели заметную эволюцию на протяжении последних десятилетий. Так, вплоть до середины 2000-х гг. США делали акцент на том, что их действия направлены на построение полных правных государств. Это предполагало понимание «легитимности» как феномена, проистекающего из демократических политических институтов и основанного на предположении, что «государство делают легитимным всеобщие выборы и широкое народное

¹⁴ Declaration of Principles for a Long-Term Relationship of Cooperation and Friendship Between the Republic of Iraq and the United States of America // The White House. November 26, 2007. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/11/20071126-11.html> (accessed: 23.03.2022).

¹⁵ National Security Strategy of the United States of America // Historical Office of the Secretary of Defense. March 2006. P. 19—22. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf?ver=Hfo1-Y5B6CM18yHpX4x6IA%3d%3d> (accessed: 23.03.2022).

¹⁶ Ibid. P. 38.

¹⁷ National Security Strategy of the United States // U.S. Department of State. September 2002. P. 1. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed: 23.03.2022).

¹⁸ Strategic Framework Agreement for a Relationship of Friendship and Cooperation between the United States of America and the Republic of Iraq // U.S. Department of State. November 17, 2008. P. 6—7. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/122076.pdf> (accessed: 23.03.2022).

¹⁹ Agreement between the United States of America and the Republic of Iraq on the Withdrawal of United States Forces from Iraq and the Organization of Their Activities during Their Temporary Presence in Iraq // Peace Agreements Database. November 17, 2008. P. 4. URL: <https://www.peaceagreements.org/viewmasterdocument/1577> (accessed: 23.03.2022).

представительство, а также общественный контроль над государством» (Lake, 2010, p. 265).

Однако во второй половине 2000-х гг. на фоне очевидной неэффективности усилий США построить демократические государства в Афганистане и Ираке происходит переосмысление Вашингтоном его роли как «строителя государства». В частности, с 2007 г. Соединенные Штаты начинают разрабатывать новую стратегию государственного строительства, опирающуюся на понимание «легитимности» как феномена, произрастающего из стремления доминирующих держав заручиться поддержкой и признанием со стороны «клиентов» посредством предоставления жизненно важных общественных услуг, таких как безопасность и поддержание правопорядка.

Это, в свою очередь, предполагало смещение фокуса в сторону защиты местного населения и предоставления ему необходимых благ для того, чтобы заручиться его поддержкой (Lake, 2013, p. 108). Действуя в таком ключе, США стремились обеспечить эффективность государственного строительства, что позволяло рассчитывать на легитимацию контроля Вашингтона над суверенными сферами Ирака и Афганистана посредством исполнения роли «патрона», предоставляющего необходимые ресурсы, обеспечивающего протекцию и способствующего постепенной интеграции своих «клиентов» в «цивилизованное сообщество».

В частности, как показывает Д. Лейк, хотя данная стратегия была нацелена на демократизацию и проведение экономических реформ, ее фундаментальной целью было удовлетворение базовых нужд населения «несостоявшихся государств», что позволяло рассчитывать на успешное воплощение в жизнь теории общественного договора при формировании правительства как наиболее эффективного механизма создания легитимного государства (Lake, 2010, p. 273). Практическая реализация этой стратегии подразумевала, что исполнение Соединенными Штатами роли «строителя государства» позволит обеспечить воспроизводство неравноправной

структуры «американской империи» посредством институционализации регулярного вмешательства «патрона» в суверенные дела «клиентов». При этом статус «клиента» выступал в качестве основы для нормальных и неисключительных отношений между США и «несостоявшимися государствами», а также предполагал, что, «независимо от того, насколько сомнительным является клиентский режим, США должны быть готовы приложить существенные усилия для его сохранения» (Sylvan & Majeski, 2009, pp. 238—239). Это позволяет объяснить склонность Вашингтона прибегать к таким мерам, как военные интервенции, практики неформального контроля или предоставление материальной помощи «клиентам» в рамках специфической системы ролевой дифференциации, отводящей Соединенным Штатам положение «патрона» и формирующей определенные социетальные ожидания. Исполнение «патроном» и его «клиентами» соответствующих ролей должно было способствовать закреплению суверенного неравенства в качестве паттерна международного порядка в регионе Большого Ближнего Востока.

Заключение

После объявления глобальной «войны с террором» в ответ на теракты 11 сентября 2001 г. политика государственного строительства использовалась Соединенными Штатами не только как инструмент трансформации «проблемных» государств, но также в качестве стратегии легитимации, направленной на поддержание суверенного неравенства внутри так называемой «американской империи». Это асимметричное и неравноправное политическое устройство опиралось на подавляющее материальное превосходство США и их привилегированное положение «патрона» в отношениях с такими «государствами-клиентами», как Афганистан и Ирак. Колоссальный силовой дисбаланс и неравномерное распределение прав и обязанностей позволяли поддерживать суверенное неравенство, лежащее в основе поддерживаемых Вашингтоном политических иерархий.

Эти иерархии были призваны укреплять контроль США над суверенитетом «клиентов», а также институционализировать паттерны интервенции и субординации в качестве социально приемлемых практик, способствующих решению проблемы «несостоявшихся государств». Так, Соединенные Штаты пытались увязать свою интервенционистскую политику с коллективными целями международного общества посредством принятия на себя особой ответственности, институционализированной в виде ролей «имперской державы», «строителя государства» и «патрона».

В частности, США пытались противостоять вызовам со стороны «несостоявшихся государств» и «государств-изгоев» (в случае с Ираком) путем интервенций и последующего государственного строительства, направленного на создание «клиентских» режимов, поддерживающих усилия Вашингтона по обеспечению международной безопасности и региональной стабильности. Эти действия, сопровождаемые акцентированием «цивилизационной миссии» США и их особой ответственности по продвижению прогресса, модернизации и демократизации мировой периферии, во многом определяли сущность «имперской» роли Соединенных Штатов в XXI в.

Однако следует отметить, что успешное исполнение этой роли заметно осложняется наметившимся в последние годы стремлением Вашингтона реорганизовать свои международные обязательства ради высвобождения ресурсов, необходимых для сохранения

доминирующего положения в глобальном масштабе. В частности, этот приоритет предполагает отказ Соединенных Штатов от таких обременительных (и не доказавших свою эффективность) практик, как государственное строительство, а также сокращение прочих издержек доминирования.

В результате перераспределение материального бремени призвано способствовать укреплению способности США противостоять вызовам, которые могут пошатнуть их лидерство в мире. Эта способность предоставляет более широкие возможности для использования различных стимулов и принудительных мер. В то же время сокращение международных обязательств ведет к ослаблению глобальной роли Вашингтона, обеспечивающей взаимосвязь между политикой США и коллективными целями международного общества. Как следствие, нежелание Соединенных Штатов исполнять роль «патрона», поддерживающего региональную стабильность посредством контроля над «несостоявшимися» или «дисфункциональными» государствами, осложняет легитимацию присущего «американской империи» суверенного неравенства. Поэтому отход Вашингтона от государственного строительства как стратегии легитимации американского доминирования создает риски кризиса механизмов, обеспечивающих воспроизводство политического неравноправия и иерархий авторитета, призванных закрепить привилегированное положение США в международной системе.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 28.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список

- Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок. Москва : РОССПЭН, 2005.
- Бурлинова Н. В. НАТО в Афганистане: стратегия и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 8. С. 76—83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-8-76-83>
- Исаев И. А. Топос и номос: пространство и правопорядок. Москва : Норма, 2007.
- Каспэ С. И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. Москва : Московская школа политических исследований, 2007.
- Лапкин В. В. О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 37—55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.04>
- Рыхтик М. И. Государствостроительство (nation-building) во внешнеполитической стратегии США // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 2. С. 91—100.
- Самуйлов С. М. Пентагон и «строительство государства» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 10. С. 21—38.

- Самуйлов С. М.* Поражение США в Афганистане и усиление напряженности в Центральной Азии // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 2. С. 5—23. <https://doi.org/10.31857/S2686673022020018>
- Цветков И. А.* Проблема международных обязательств США после ухода из Афганистана: готова ли Америка защищать Тайвань? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14, № 4. С. 393—408. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.402>
- Barnett M.* Building a Republican Peace. Stabilizing States after War // *International Security*. 2006. Vol. 30, no. 4. P. 87—112. <https://doi.org/10.1162/isec.2006.30.4.87>
- Boguslavskaya Yu.* The Member States' Contributions to NATO's Policy in Afghanistan During Donald Trump Presidency // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12, № 1. С. 40—57. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.103>
- Bonacker Th., Brodocz A.* Introduction: Authority Building in Internationally Administered Territories // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2017. Vol. 11, iss. 4. P. 395—408. <https://doi.org/10.1080/17502977.2017.1384604>
- Bull H.* *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. New York : Columbia University Press, 1995.
- Clark I.* *Hegemony in International Society*. Oxford : Oxford University Press, 2011. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199556267.001.0001>
- Clark I.* *Legitimacy in International Society*. Oxford : Oxford University Press, 2005.
- Colas A.* *Empire*. Cambridge : Polity Press, 2007.
- Dobbins J., McGinn J. G., Crane K., Jones S. G., Lal R., Rathmell A., Swanger R. M., Timilsina A. R.* *America's Role in Nation-Building: From Germany to Iraq*. Rand Corporation, 2003. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1753.html (accessed: 23.03.2022).
- Fearon J., Laitin D.* Neotrusteeship and the Problem of Weak States // *International Security*. 2004. Vol. 28, no. 4. P. 5—43. <https://doi.org/10.1162/0162288041588296>
- Kohn H.* *Political Ideologies of the Twentieth Century*. New York : Harper & Row Publishers, 1966.
- Krasner S. D.* Sharing Sovereignty: New Institutions for Collapsed and Failing States // *International Security*. 2004. Vol. 29, no. 2. P. 85—120. <https://doi.org/10.1162/0162288042879940>
- Kupchan Ch.* *The Vulnerability of Empire*. Cornell : Cornell University Press, 1994.
- Lake D. A.* Legitimizing Power: The Domestic Politics of U.S. International Hierarchy // *International Security*. 2013. Vol. 38, no. 2. P. 74—111. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00139
- Lake D. A.* The Practice and Theory of US Statebuilding // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2010. Vol. 4, iss. 3. P. 257—284. <https://doi.org/10.1080/17502977.2010.498933>
- Morris J.* Normative Innovation and the Great Powers // *International Society and Its Critics* / ed. by A. Bellamy. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 265—282. <https://doi.org/10.1093/0199265208.003.0016>
- Motyl A. J.* Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective // *Comparative Politics*. 1999. Vol. 31, no. 2. P. 127—145. <https://doi.org/10.2307/422141>
- Munkler H.* *Empires. The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*. Cambridge : Polity Press, 2005.
- Nexon D., Wright Th.* What's at Stake in the American Empire Debate // *American Political Science Review*. 2007. Vol. 101, no. 2. P. 253—271. <https://doi.org/10.1017/S0003055407070220>
- Paragi B.* Divide et Impera? Foreign Aid Interventions in the Middle East and North Africa Region // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2016. Vol. 10, iss. 2. P. 200—221. <https://doi.org/10.1080/17502977.2015.1112493>
- Rao R.* The Empire Writes Back (to Michael Ignatieff) // *Millennium: Journal of International Studies*. 2004. Vol. 33, iss. 1. P. 145—166. <https://doi.org/10.1177/03058298040330010601>
- Saull R.* Empire, Imperialism, and Contemporary American Global Power // *International Studies Perspectives*. 2008. Vol. 9, iss. 3. P. 309—318. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3585.2008.00337.x>
- Schmitt O.* International Organization at War: NATO Practices in the Afghan Campaign // *Cooperation and Conflict*. 2017. Vol. 52, iss. 4. P. 502—518. <https://doi.org/10.1177/0010836717701969>
- Sylvan D., Majeski S.* *U.S. Foreign Policy in Perspective. Clients, Enemies, and Empire*. London, New York : Routledge, 2009.
- Von Billerbeck S. B. K., Gippert B. J.* Legitimacy in Conflict: Conceptions, Practices, Challenges // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2017. Vol. 11, iss. 3. P. 273—285. <https://doi.org/10.1080/17502977.2017.1357701>
- Wendt A., Friedheim D.* Hierarchy under Anarchy: Informal Empire and the East German State // *International Organization*. 1995. Vol. 49, iss. 4. P. 689—721. <https://doi.org/10.1017/S0020818300028484>

Сведения об авторе: Богданов Алексей Николаевич — кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID: 0000-0002-9608-0708; e-mail: enli82@mail.ru